

Моя карьера - воскр. вкл.
- 1995. - 16-23 июня. - С. 1

Звезда, которую не узнают на улице

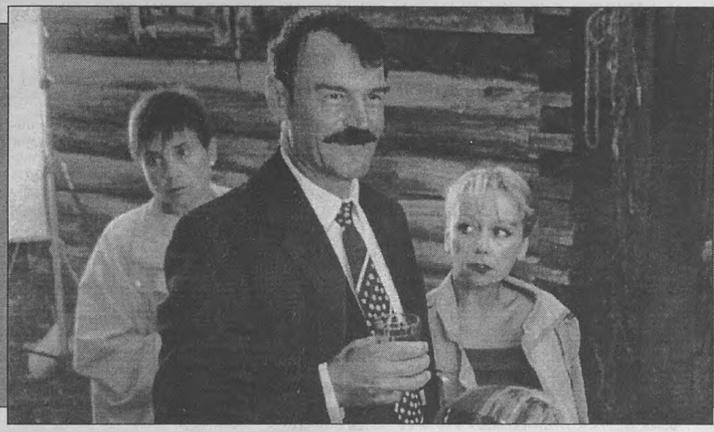
Зайче

8

Российский актер Петр Зайченко в мае 1989 года с полным правом разделал успех Павла Лунгина, режиссера фильма «Такси-блюз», получившего приз жюри за режиссуру на Каннском фестивале. В 1992 году ему рукоплескали Карловы Вары за главную роль в фильме Эрике Габриэля «Крапачук». Отечественный кинематограф, кажется, тоже внимателен к 52-летнему артисту — на его счету «Парад планет» Вадима Абдрашитова, «Муслимани» Владимира Хотиненко, «Концерт для крысы» Олега Ковалова, «Шамара» Натальи Андрейченко... Неброское лицо этого улыбающегося лукавого мужчины производит впечатление давнего знакомства, а потому не запоминается (вот и фотограф, которого просили снять Зайченко, принес фото совсем другого человека...). Актер мирового уровня, Зайченко держится нарочито в тени, ничуть не настаивая на «звездном» статусе, посмеиваясь над собственными неудачами и ни в чем не пытаясь «пролезть вперед». Его скромному достоинству трудно подражать, но иным, более «успешным», не грех у него поучиться. (Окончание на стр. 4)

Вы — один из очень немногих у нас актеров, которые известны в мире. Фильмы «Такси-блюз» и «Крапачук» очень хорошо прошли на фестивалях, а здесь о них (и о вас) знают мало. Вы по-прежнему находитесь на периферии в буквальном и переносном смысле...
— Я живу в Волгограде. Этим все сказано. Вот моя визитная карточка — Зайченко Петр Петрович, артист Волгоградской областной филармонии (которая уже не существует), мастер художественного слова. Я же приписал «14-го разряда». 14-й разряд — это юдженники, если говорить о цифрах, было 148 тысяч рублей в месяц, теперь будет 170. Я эту аботу любил всегда, работаю я с 1974 года, как аз с тех пор, как Василий Макарович Шукшин тьскал меня для кино. Когда он умер, я пошел филармонию, сделал одну сольную программу «Я пришел дать вам волю», потом вторую — асказы, третью — «До третьих петухов», как Иван-дурак ходил за справкой, что он умный, Льва Толстого «Холстомер», Фазиса Искандера «Широклобый», Маяковского «Облако в гтаных»... Я занимаюсь русским репертуаром, которому, я считаю, имею прямое отношение. Гтец, конечно, может читать все что угодно, хоть Лскара Уайльда, но, когда вы слушаете, вам хочется все-таки, чтобы внешность гармонировала с текстом. Если я буду какую-нибудь декламацию исполнять, вряд ли это будет так убедительно. Я в этом смысле верю в ампулу, поэтому у сения такой репертуар.
Работа эта не приносит, в отличие от кино, известности, она скромная — тебе дают путевку, школа номер такая-то, ПТУ 37... Я объездил всю Золгоградскую область в свое время. Все это делал профсоюзом, у них были деньги на культурную работу, они их перечисляли филармонии, а я отработывал как бы трудом. Эти деньги и никто не берет, потому что для большого заюда они были мизерные, и шли они на просветительскую работу. Конечно, преподаватели литературы были очень довольны — до сих пор иногда при встрече вспоминают, как хорошо было тогда. У них теперь в программе Шукшин. Что они про него знают? А я и знаком с ним был, о Василии Макаровиче расскажу и исполню...
Сейчас с этим очень трудно, потому что нет профсоюзов по существу. Все эти новые русские далеко не Саввы Морозовы. Они лучше потратятся на десять презентаций, чем один раз дадут деньги на что-нибудь такое.
— Вы снимаетесь довольно редко, но у вас практически не было проходимых фильмов: Абдрашитов, Лунгин, Хотиненко охотно приглашают вас. Это как-то изменило вашу жизнь?
— Да нет, в Волгограде мне от этого в общем-то лучше не стало. Меня не приняли в СТД в свое время, никакого звания так и не дали. Единственное, что я получил в Волгоградской области — медаль за трудовую доблесть. За то, что я выступал в каждом колхозе — на стрижке овец, уборке урожая, в мастерских...
— А театр?
— Драматического театра в Волгограде больше нет, есть Новый экспериментальный театр. Но у них, видимо, свой подбор актеров. Я, наверное, не нужен. Вообще не нужен в Волгограде. Кино может только осложнять мне жизнь, но никак не помогать. Тем более такие достижения и выезды, как с «Крапачуком», когда я снимался в Париже, Мадриде, Брюсселе... Раздражение это вызывает. Я бы сформулировал это одним афоризмом Шукшина: «Салют в Москве производится, а у нас это нарушение общественного порядка».
— Режиссеры, у которых вы снимаетесь, не пытаются как-то изменить вашу участь?
— Кино всегда — разовая акция. Актер — разовая акция. Да и прошло то время... Мне говорят: ну как же, Янковский тоже окончил Саратовское училище, как и ты, а живет в Москве! Ну, правильно — ему дали квартиру государственную. Мне в Волгограде не давали квартиру, я заработал, наконец-то решил эту проблему, когда снялся в «Крапачуке», купил себе трехкомнатную квартиру. Теперь, если бы я рискнул на старости лет, мне бы хватило только на туалет в Москве, не больше. Да, конечно, удобнее было бы, если бы жил в Москве. Актеров же легко потерять — актерские отделы не работают, как когда-то. Я вот сейчас у Олега Ковалова озвучивался в Питере, зашел в актерский отдел, думаю, надо дать новый телефон. А там разговор примерно такой: давайте платите нам деньги за то, что вы будете в картотеке. Мне неудобно стучать себя в грудь — вспомните «Такси-блюз», который «Ленфильму» в свое время принес Каннскую победу! Они говорят: да знаем мы вас, знаем! Вы, кажется, в Минске живете? Я говорю — ну да, моя фамилия Булдаков. Нет, это все нереально, все это зыбко, ненадежно.
— Кино — женская профессия. Идут танцы, слышишь танец не объяснив. Что, кетати, и заставило многих актеров переходить в режиссеры, даже, честно говоря, не имея особого на то таланта. Хочется быть самостоятельным — тебе дали деньги, ты сам снимаешь какой хочешь фильм и сам себе выбираешь в нем роль, сам себя танцевать приглашаешь. Тем более теперь, когда деньги дают по дружбе. Мне грустно, ког-

Звезда, которую не узнают на улице

Петр Зайченко в фильме «Муслимани».

да Герман пять лет картину снимает из-за безденежья, а зачастую смотреть такое... Кто поставил? Кому деньги дали. А деньги дают просто так, по симпатии.
— А вам никогда не предлагали? Вы же, наверное, тоже многим нравитесь...
— Нет. У меня нет коммерческих знакомств. Когда «Крапачук» пошел, и пошел довольно хорошо, мне звонит Эрике Габриэль, режиссер: «Петр, я в Хайфе, я в Рио, я там, я съез... я с тобой весь мир объехал!» Я говорю: «Вещь, ты не сомной, ты своим изображением ездишь». — «Петр, ты будешь на премьере в Мадриде, в посольстве на тебя уже есть виза, ты только выкупи билет». Я говорю: «Как ты себе это представляешь? У меня нет таких денег». По этому поводу у разговаривал с главой одной фирмы. Я ему говорю: «Знаешь что, я даже не прошу нормального спонсорства. Я прошу взаимности. Можешь не давать мне денег. Меня приглашают на премьеру в Мадрид. Мне все оплатят, но только там. Ты покупаешь мне билет Волгоград — Москва, Москва — Мадрид и обратно. Я возвращаюсь и приношу тебе конверт, на котором написано «Месяц, господин!» или как хочешь, и лежат доллары — рублей у них нет, я тебе долларами верну. И все». Но никто пока на это не шел, никто этого не хочет. Или не верят как-то...
— Вы сейчас много работаете? Вот у Хотиненко роль, у Ковалова снимаетесь... Или это впечатление обманчиво?
— Обманчиво. То, что роли у меня хорошие, это спасибо крестному отцу в кино Вадиму Абдрашитову. Я дебютировал у него в «Параде планет», и как-то с тех пор пошло приятное для меня понятие — абдрашитовский актер. Это помогло в дальнейшем — Лунгин был на премьере «Парада планет», запомнил, что есть такой Петр Зайченко. Потом получился Канн, в Канне Габриэль посмотрел «Такси-блюз», успех, он решил — надо его снять. А как меня снять, если я ни на испанском, ни на французском сыграть не могу? Он придумал сценарий, где человек без языка может играть главную роль. Но здесь есть и своя опасность. Мне иногда и заработать надо, а режиссеры думают: «Ну, что ему предлагать что попало, он в таких фильмах играл!»
— Ваше знакомство с Шукшиным как произошло?
— В театральное училище я пришел уже взрослым, отслужив в армии, и был просто очарован литературой Шукшина, единომыслие было у меня с этим автором. Он для меня стоял особняком, и я не видел разницы между ним и Львом Толстым. Я никогда тусовки не видел, что есть кто не знаю, поэтому для меня они были равны. Меня досада брала, когда я совал всем прочитать «Я пришел дать вам волю» — в то время это еще только был журнал «Сибирские огни», и многие мне говорили: «Ну, старик, ты что, как он может поставить кино, какой из него Степан Разин?» Все это мне досадно, досадно, что его литература выходила такими тиражами, что невозможно было купить. Я ему как-то написал письмо. Она пошла Лидия Николаевна говорила мне, что он получил это письмо, оно его как-то задело, и он предложил меня попробовать в фильме по его сценарию «Брат мой». Меня вызвали на «Мосфильм» из Волгограда, я не мог понять, откуда они могли про меня узнать. Вышло так, что я не

снимался — младшего брата должен был играть Сергей Николенко, а он меня старше... Потом я позвонил Лидии Николаевне и она мне сказала: «Он сейчас находится у вас в Волгоградской области». Я говорю: «Конечно, газета «Правда» пишет — снимается фильм «Они сражались за Родину»... — «Он просил, чтобы вы подыскали». Там мы и виделись с ним за 10 дней до его смерти. Он меня обнадежил, что я буду работать с ним, для меня это было счастье. Но он умер, все это рухнуло. Я пошел в филармонию...
Так что никакого «обвала ролей» у меня нет. И роли обычно небольшие. Правда, часто получается, что режиссер начинает маленькую роль для меня дописывать, она как бы сама вырастает. Мы с Олегом Ивановичем Борисовым покойным работали в картине режиссера Салтыкова «Гроза над Русью» — фильм до сих пор где-то лежит. Параллельно тогда снимались два фильма по «Князю Серебряному» — один Тагизаде, второй наш, четыре ТВ-сери и две серии киноварианта. Говорят, фильм хорошо шел в Канаде. Там Олег Борисов — Иван Грозный, Сергей Бондарчук — боярин Морозов, Виктор Степанов — Малюта Скуратов, а я — опричник Матвей Хомяк. Я просто попросился к этим мэтрам, Салтыков читает вслух сценарий, сидят Бондарчук и Борисов со своими сценариями, и правят текст, и вдруг возникает какая-то фраза, Борисов говорит: «Это Иван Васильевич говорить не будет». Салтыков говорит: «Олег, извини, это фраза, нужная для сюжета, ее же должен кто-то сказать». Он говорит: «Вот он и скажет», — и на меня указывает. Салтыков говорит: «Олег, извини, ты забыл — его к этому времени уже убил в драке». — «Его? Его не убьешь, нет. Он выжил». Так и сняли — выжил мой персонаж, и даже в финале появляется...
— Несмотря на то, что вы так замечательно умеете играть и у вас такие веселые глаза, складывается впечатление, что вам в вашем Волгограде довольно одиноко...
— Да, конечно. Казалось бы — плонь, тебе-то что? Я чувствую, что надо вести себя так, чтобы не могли обвинить в том, что занасается: подумай, Канн! Чуть ли не извиняться приходится. Но это было и раньше. Я вот второй раз на «Кинотавре». Когда был первый раз, показывали «Крапачук», я подхожу к Янковскому и говорю: «Олег, вы открываете этой картине фестиваль, а почему она не в конкурсе?» Он говорит: «Имей совесть! Картина-то чья? Бельгия — Франция — Испания. Чужая!» А я говорю: «А я чей?» Он говорит: «Ты у нас числишься в составе иностранной делегации».
А в Волгограде на днях памяти Шукшина московская делегация едет в деревню, где умер Шукшин. А я еду, естественно, из Волгограда. А там девушка с нашего волгоградского телевидения. Спрашивает: «А ты тут чего?» Я говорю: «Как чего? Ты же знаешь, что мы знакомы были с Василием Макаровичем, я ему многим обязан, в репертуаре моем много его произведений, может, детям в школе почитать...» Она пошла куда-то узнавать в отдел культуры, и говорит — да, все в порядке, ты в составе московской делегации. Так чей же я? Так что это есть, вы угадали, вы провинциальны.
— Кто входит в вашу семью?
— В Волгограде у меня два внука. Артему три

года, а внучке полгода. Жена — заведующая кафедрой педагогики и психологии в пединституте. Внук недавно прекрасно определил, чем я занимаюсь. Он спрашивает: «Где папая?» Ему отвечают: «Папая в командировке». — «Что делает?» — «Работает, копает». «Где деда-ня?» — «Деда-ня в командировке, в Питере, снимается». Не понял. Сидит, играет, думает и говорит: «Деда-ня в командировке в Питере снимается. Курточку снимает, рубашку... снимается!» Я Володе Хотиненко говорю: «Вот наконец-то фильм, на который я жежу могу пригласить». Он говорит: «Почему, у тебя есть и другие хорошие фильмы!» Я говорю: «Понимаешь, я тут самый одетый. Начиняя с «Парада планет» и «Такси-блюз» я все голый прыгаю...»
— Вас узнают на улицах?
— Нет. Занем нужно, чтобы узнавали? Чтобы билет в кассе кассирша давала, когда на съемки опаздываешь. Нет этого у меня. Не похож на артиста. Буквально перед приездом сюда один художник писал мой портрет, и оказался там француз. Ему пытались сказать, что это Петр Зайченко, актер. Он говорит: «Да, «Такси-блюз» — это Канн, это победа, такой фильм, наш фильм, французский... я видел, я даже с Павлом Лунгиным был на приеме, мы разговаривали». Ему говорят: «Ну вот же, вот он», — и на меня показывают. Он говорит — «Я не помню, кого он играл».
— Да там же все двое!
— Вот именно! Он говорит: «Неужели ты тот, который на саксофоне играл?» Или вот на открытии «Кинотавра» подходит какой-то мужик, говорит: «Слушай, извини. Петр?» Я говорю: «Петр» — «Да вот я слышал — «Такси-блюз», ты снимался?» Я говорю: «Да». — «Валька, или сюда, с Мамоновым сфотографируемся!» Я молча покорию сфотографировался с Мамоновым. Нет, не очень сходится изображение. Но вообще рад, что мой рейтинг высок, во всяком случае так говорят, да и вы, журналисты, не обходите вниманием. Все нормально. А жизнь уже не изменится. Я спокоен, потому что мне 52 года. «Же се не премьер авриль миль псеван каран тра» — я родился первого апреля 1943 года. Вот потому и веселый. В 40 лет (я же начал сниматься поздно) уже как-то лет мальчишеского желания увидеть себя на экране. Уже спокойно существую — да, я такой, какой есть. Нужен — берите, не нужен — Бог с вами. Только чтобы было спокойно и без обид.
— Как вы себя чувствовали в Канне?
— А в Канне все было так — мы входим в зал, дверь закрывается, больше никого не пускают. Начинается пресс-конференция. Первый же вопрос — мне: «Вы человек, воспитанный на социалистическом реализме, на произведениях Максима Горького и в частности на его крылатой фразе — человек это звучит гордо. Как вы это ощущаете?» Я беру микрофон и говорю: «Здесь — нормально». — «Как вы относитесь к президенту?» — «Взаимно». — «А что вам больше нравится — Ельцин или Горбачев?» Я говорю: «Миттеран». — «Что значит — взаимно относитесь к Ельцину?» Я говорю: «Он считает, что мне 148 тысяч рублей в месяц хватит — вот так и я к нему отношусь».
— Сейчас жанр, в котором вы работаете, не самый популярный. Люди-то ходят на ваши выступления?
— Да нет, ничего этого уже почти нет. Пылают еще иногда бригады — три певца и я, например, к 8 Марта, какая-нибудь организация найдет деньги. А лекторская работа в большом зале, в аудитории, и вообще даже есть угроза, что расформируют лекторий, тогда я останусь без работы. Буду что-то искать.
Мне тут на прошлом «Кинотавре» один человек с какой-то непонятной злостью сказал: «Почему ты не рассказываешь о съемках где-нибудь в Теттопах, а рассказываешь о Париже, Мадриде, Брюсселе?» Я говорю: «А вы меня звали? Нет в Волгограде работы, в Москву зовут — поехал, снялся. Не было в Москве работы, в Париж позвали — поехал, там отработал. Какая разница? Везде одно и то же».
— На этом фестивале вам кто-нибудь предлагал работу?
— Не обижайтесь — фамилии не назову. Но три режиссера подходили. И я этим очень обрадован. Фестиваль — это ярмарка. Как у Пушкина: «пошел поп по базару...»
— Каким должен быть сценарий, чтобы вы согласились играть?
— Я отличался, когда фильм ставится с тем, что ты сам такой, это твоя родина, тогда в этом присутствует и боль. А когда это удивление «иностранца» Иваново от своей бывшей земли... Я этого не люблю. Я старюсь всегда быть адвокатом своих героев, чтобы их поняли. Я знаю, кто они такие, знаю, что они часто отрицательные герои, но я изо всех сил стараюсь оправдать их. С Лунгиным когда снимали, художник сделал сифт в квартире таксиста Шлыкова, и хотели снять, что после смены он туда деньги закладывает. Я отказался. Говорю: «Пал Семенчик, сейчас мы с тобой общаемся, и ты мне говоришь — Петрович, ты жадный, наверно, у тебя телефона нет в Волгограде, ты бы взятку дал, и был бы телефон». Я говорю: «Так чему ты учишь? А когда Шлыков делает отчасти так, то ты его обвиняешь, черной краской мажешь».